

К. ЛЕОНТЬЕВ И НАПОЛЕОН III: ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ КОНСЕРВАТИЗМА ОДНОГО ВЕКА

Артем Александрович Кротов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
krotov@philos.msu.ru <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Аннотация. Предмет исследования — заочный спор российского философа с императором французов относительно смысла и направленности исторических событий. Актуальность определяется важностью проблемы прогресса для современного мира, необходимостью учёта всего комплекса прежних подходов к ней в нынешних условиях. Новизна определяется отсутствием работ, в которых было бы приведено сопоставление двух анализируемых подходов. В статье используются следующие методы: герменевтический, феноменологический, сравнительно-исторический.

Политика Наполеона III характеризуется как в художественных произведениях Леонтьева, так и философско-публицистических. В романе «Одиссей Полихрониадес» Вторая империя во Франции предстаёт как лишённая духовного стержня механическая структура. В автобиографическом «Египетском голубе» император предстаёт в качестве узурпатора. В своей философской публицистике Леонтьев делает акцент на теории культурно-исторических типов. Франция Наполеона III в этом контексте выступает у него как иллюстрация периода вторичного смещения и упрощения в жизни цивилизаций. Но её история важна Леонтьеву и как своеобразная точка отсчёта в исторической системе координат, позволяющая сопоставить западный путь с судьбой России. Русский мыслитель всячески подчёркивал связь истории своей страны с Византийскими началами. Её будущее он видел в их сохранении и поддержке. Франция же, устремившаяся по дороге либерального эгалитаризма, рассматривалась Леонтьевым как государство, приходящее в упадок, которому свойственны разложение и утрата оригинальности, также как и религиозности, переход от сложности к более примитивной организации. Наполеон III, напротив, считал Францию авангардом цивилизации, а провозглашённый им «принцип национальностей» — единственной надёжной основой международной политики. Хотя Леонтьева и Наполеона III разделяют трактовки прогресса, понимание общего смысла истории, закономерностей цивилизационного развития, оба считали необходимым внесение консервативных элементов в общественную жизнь. При этом прогнозы философа в большей степени дают основание сравнивать с пророком его, нежели императора.

Ключевые слова: Константин Леонтьев, Наполеон III, консерватизм, русская философия, проблема прогресса, культурно-исторические типы, бонапартизм

Для цитирования: Кротов А.А. К. Леонтьев и Наполеон III: две тенденции консерватизма одного века // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 7–24. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-7-24>

Research article

K. LEONTIEV AND NAPOLEON III: TWO CONSERVATISM TENDENCIES OF THE SAME CENTURY

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
krotov@philos.msu.ru <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Abstract. The subject of the study is the dispute between the Russian philosopher, K. Leontiev, and the French emperor, Napoleon III, regarding the meaning and orientation of historical events. The topicality of the study is determined by the importance of the problem of progress in the modern world and the need to take into account the entire range of previous approaches to it. The novelty is defined by the absence of works in which a comparison of the two analyzed approaches would be presented. The article uses the following methods: hermeneutic, phenomenological, and comparative historical. The policy of Napoleon III is characterized in the artistic works of Leontiev as well as in the works in philosophical and publicistic genres. In the novel *Odysseus Polychroniades*, the Second French Empire appears as a mechanical structure devoid of a spiritual core. In the autobiographical work *Egyptian pigeon*, the emperor appears as a usurper. In his philosophical and political writings, Leontiev focuses on the theory of cultural types. Napoleon III's France in this context serves as an illustration of the period of secondary mixing and simplification in the lives of civilizations. But its history is also important to Leontiev as a kind of reference point in the historical coordinate system, which allows us to compare the Western path with the fate of Russia. The Russian thinker strongly emphasized the connection between the history of his country and Byzantine principles. He saw its future in their preservation and support. Leontiev considered France, which rushed along the path of liberal egalitarianism, a decaying state characterized by decomposition and loss of originality and religiosity, as well as by the transition from complexity to a more primitive organization. Napoleon III, on the contrary, considered France the vanguard of civilization, and the *principle of nationalities* proclaimed by him was seen as the only reliable basis for international politics. Although Leontiev and Napoleon III do not have the same interpretations of progress, in their understanding of the general meaning of history and the laws of civilizational development both considered it necessary to introduce conservative elements into public life. The forecasts of the Russian philosopher regarding the future give more reason to name him (rather than the emperor) a prophet.

Keywords: Konstantin Leontiev, Napoleon III, conservatism, Russian philosophy, problem of progress, cultural types, bonapartism

For citation: Krotov, A. A. (2024) 'K. Leontiev and Napoleon III: Two Conservatism Tendencies of the Same Century', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 8(1), pp. 7–24. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-7-24>

В интеллектуальном пространстве XIX в. колоссальным влиянием обладали различные теории прогресса. Движение к лучшему будущему многими авторитетными участниками событий тех лет воспринималось как самоочевидная данность. Расхождения нередко касались критериев прогресса, даже общей его направленности. Но убеждение в самой его несомненности было свойственно значительной части мыслителей. Консервативные движения казались направленными против основного течения века. Если поначалу внимание к ним можно считать минимальным, то по мере развертывания политического процесса последних двухсот лет, взятого во всей его противоречивости, появляется всё больше интерпретаций, возвеличивающих консерваторов как непонятых своим временем пророков. Важно учитывать, что наиболее влиятельные консервативные установки не сводились к примитивному призыву вернуться к какой-то давно пройденной точке всемирной истории. В этом контексте особый интерес представляет сравнительный анализ позиций двух современников, оставивших заметный, хотя и совершенно разный, след в политической и культурной истории своих стран. Их жизненный путь никак нельзя назвать изоморфным, а их влияние на политический процесс XIX в. несопоставимо. Но заочный спор российского философа с императором французов довольно важен для понимания и уточнения особенностей развёртывания одной из оригинальных линий отечественной мысли.

В статье используются следующие методы: герменевтический, феноменологический, сравнительно-исторический. Первые два необходимы для анализа сочинений двух причастных философской публицистике исторических фигур, третий необходим при сопоставлении их позиций.

Размышления Константина Леонтьева о личности Наполеона III нашли своеобразное преломление уже в его раннем художественном творчестве. Так, в очерке «Сутки в ауле Биюк-Дорте» (1858), отражающем реалии Крымской войны, среди прочего сообщается о том, что один из персонажей, Муратов, воспринимает правление

Наполеона III как признак упадка нравственных качеств французов. «Еще задолго до войны озлобился он на французов и англичан...Турция для него не существовала, конечно; а Наполеон, разумеется, потому только держался, что подданные его, исхитрившись, стали никуда не годны» [Леонтьев, 2000: I, 234–235].

В романе «Одиссей Полихрониадес» (1873–1878) упоминаются, хотя и вскользь, различные события, связанные с правлением Наполеона III: покушение Орсини, австро-итало-французская война. Фигура императора французов используется для красочной зарисовки, характеризующей умонастроение одного из персонажей: «Благов тогда ещё образа мыслей Несторида не знал; и как я после понял, он был недоволен другим: его всегда гневало, когда он слышал, что христиане позволяют себе ставить наравне православную, Московскую, Царскую Россию с чуждою Англией или с Францией какого-нибудь Бонапарта» [Леонтьев, 2002: IV, 406]. Примечательно, что Благов, как и Леонтьев, ненавидит французскую демократию. Отдельные его суждения представляются близкими позиции самого автора, например: «Франция второй Империи — это гигантская пошлость во всех отношениях... Стальная машина, без внутренней жизни, без души» [Леонтьев, 2002: IV, 744].

Показательно, что герой, по существу, автобиографической повести «Египетский голубь» (1880–1882) Ладнев характеризует Наполеона III как «узурпатора с раскомаженными усами», воины которого оказались «так восхитительно проучены» капитуляцией под Седаном [Леонтьев, 2002: V, 391].

В философской публицистике Леонтьева имя Наполеона III встречается неоднократно. Император французов выступает у русского мыслителя эмблематической фигурой, по-своему иллюстрирующей его историософские воззрения. В важнейшем своём сочинении «Византизм и славянство» (1874) он связывает Вторую империю во Франции с периодом вторичного смешения и упрощения западной цивилизации. Если Запад, согласно Леонтьеву, приобретает свои обособленные черты

со времени Карла Великого, то в XV — XVII вв. он переживает период цветущей сложности. В основе европейской цивилизации он видит синтез ряда культурных элементов: религии, германского феодализма, римской муниципальной практики, античной философии и эстетики. Европейская цивилизация приходит на смену византийской, которой, в свою очередь, предшествовала греко-римская. Византизм как особая культура, по Леонтьеву, предполагает самодержавие в политике, христианство в религии, притом отличное от западных церквей, в области нравственности — отказ от ориентации на земное благополучие, от ложного превознесения отдельной личности. Византизм предполагает и особую эстетику: зодчество, утварь, обычаи. Усвоение Западом обломков византийской культуры в качестве выдающегося результата дало расцвет эпохи Возрождения.

Разнообразная, цветущая Европа была политически раздроблена, но находилась в гармонии, предполагавшей как творческие удачи, так и жестокую борьбу. С XVIII в. Европа, по Леонтьеву, вступает в период упадка, упрощения, вторичного смешения. Буржуазное муниципальное начало подчиняет и деформирует прочие элементы цивилизации. Торжествуют утилитаризм и эгалитаризм, монархическая власть ослабевает. Срок жизни государств, по мнению Леонтьева, укладывается в тысячелетний период, лишь в редких случаях он оказывался чуть больше. При этом культуры могут жить дольше государств. Для любого государства типично преобладание аристократии на раннем этапе его существования, господство единоличной власти в разных её формах в период цветения, и, наконец, склонность к демократизму и либерализму, когда оно приближается «к старости и смерти».

Идея демократического прогресса, по Леонтьеву, совершенно напрасно воспринимается многими как нечто положительное, благое. Ибо в процессе развития идея этой отводится место на нисходящем этапе жизни государств и культур. Эгалитарно-либеральный прогресс для Леонтьева — признак гниения, нечто противоположное по своей сути процессу творческого со-

зидания. После периодов первичной простоты и цветущей сложности Европа, как он не уставал повторять, вступила в эпоху вторичного упрощения. Для Франции период цветения связан с именами Франциска I, Ришелье, Людовика XIV. Имена эти по праву ассоциируются с господством централизованной монархии. Период вторичного смешения для Франции открывается революцией XVIII в., влияние которой распространяется на все последующее столетие, включая Первую и Вторую империи. Это период разложения и утраты оригинальности, переход от сложности к более примитивной организации. Закону этому, подчёркивал Леонтьев, подчинены все организмы, культуры и индивиды. Распространяет он этот закон даже на небесные тела. Подчинены ему и духовные процессы, в частности, история философии. Начальная простота свойственна учениям досократиков, период цветущей сложности отражен в идеях Сократа, Платона, Декарта, немецких идеалистов, вторичное смешение символизируют эклектизм Кузена, а также материализм и атеизм.

В провозглашённой Наполеоном III идее национальностей, в русло которой тот стремился направить европейскую политику XIX в., Леонтьев видел только торжество космополитизма и ложной холодной религии общей пользы. Русский мыслитель истолковывал эту идею как разрушительную, враждебную государству, религии и культурной индивидуальности народов. «Идея же национальностей в том виде, в каком её ввел в политику Наполеон III, в её нынешнем модном виде, есть не что иное, как тот же либеральный демократизм, который давно уже трудится над разрушением великих культурных миров Запада» [Леонтьев, 2005: VII (1), 333]. Бонапартистским принципом национальностей Франция, по мысли русского философа, «погубила себя окончательно».

Леонтьев считал крайне нежелательным для России повторение пути бонапартистской Франции, как и всей европейской цивилизации. Он видел особую связь российской государственности, а также быта, с Византией. Привитый русскому народу, византизм столкнулся с людьми прямы-

ми, даже простодушными, ещё мало испытывавшими в своей истории. Государство развивалось под воздействием византийской православной культуры. Художественное творчество жителей России, по его мнению, «глубоко проникнуто» идеей византизма. Для него Москва — более византийский город по духу, чем Петербург. Византизмом в разной степени пронизаны сочинения Пушкина, Лермонтова, Толстого. Русские иконы — яркое, характерное выражение византизма. Особенность русской истории в том, что в ней государство всегда выступало более сильным началом по сравнению с семьей. Ценилась не древность рода, а служба государю. Под знаменем византизма (самодержавия и православия) Россия, по Леонтьеву, способна противостоять напору «целой интернациональной Европы», если она пожелает «когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве» [Леонтьев, 2005: VII (1), 324]. При этом, как полагал русский мыслитель, следует держаться от славянских народов на определённом расстоянии, не сливаясь с ними в общую федерацию, но сохраняя культурную и политическую связь.

В записках «Моя литературная судьба. 1874–1875 года» (1875) Леонтьев отзывался о Наполеоне III даже с некоторой симпатией. «Одно из самых сочувственных мне лиц в современной истории — это Наполеон III. Его сгубило то, что я зову вторичным упрощением Франции, — сила органическая, а не он развратил и погубил эту, уже и до него глубоко опошленную равенством нацию» [Леонтьев, 2003: VI (1), 124]. Он поясняет, что сочувствие его вызывает не «натура», личность императора, а его судьба, противостоять которой было невозможно в силу неотвратимого действия исторического закона. Кроме того, в Наполеоне III Леонтьеву, как он замечает, импонировало его разительное отличие от либералов. Сопоставляя Наполеона III с Бисмарком, он говорил о том, что немецкий канцлер отнюдь не был «во всем выше и годнее», просто успех оказался на его стороне согласно божественной воле.

В передовой статье газеты «Варшавский дневник» (28 февраля 1880) Леонтьев

упоминает императора французов в связи с покушением Березовского на русского царя. Он проводит аналогию с покушением Орсини на Наполеона III. В обоих случаях замысел не удался, но судьба пытавшихся реализовать его оказалась различна: один остался жив, другой казнен. Леонтьев видит в этом несправедливость, но снимает вину за неё с Наполеона III [Леонтьев, 2006: VII (2), 67]. По его мнению, всё объясняется различием в общественном положении императора французов. Если в момент покушения Орсини он обладал значительным могуществом, не стесняемым местными либералами, то позднее его позиции ослабли, и ему пришлось примириться со смягчением наказания Березовскому из-за громких вызывающих речей таких личностей, как Жюль Фавр. Изменение положения императора Леонтьев объясняет усиливающимся развращением французского общества.

В сочинении «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1885) он стремился подкрепить свои идеи анализом трудов западных мыслителей, останавливаясь на текстах Бастиа, Бокля, Шлоссера, Кабе, Прудона, Милля, Рия, Гизо, Спенсера, Прево-Парадоля. Их разноголосый хор, согласно Леонтьеву, весьма специфически подтверждает его тезис о вторичном смещении Европы и упрощении её идеала. В качестве такового выступает умеренный представитель буржуазии, класса «средних людей». Хотя позиции упомянутых авторов разнятся (от простого одобрения происходящего смещения или требования его усилить — до явного осуждения), но *суть дела* они, по Леонтьеву, позволяют внимательному наблюдателю выявить довольно точно. Разного рода технические изобретения выгодны в первую очередь среднему классу, в то время как дворянство и рабочие скорее проигрывают от производственных новинок, содействующих космополитически-либеральному движению. Фабриканты и банкиры выступают как орудием, так и своего рода результатом процесса уравнительного смещения. Процесс этот оказывает разлагающее влияние на религию, поэзию, государственное монархическое начало. Леонтьев

считал вероятными в будущем различные катастрофы, связанные с промышленным производством. Эгалитарный процесс, как он полагал, пока ещё не дошёл до «точки насыщения», сопровождаемой анархией и широко распространённым пессимизмом.

Леонтьев настаивал на том, что в истории прекрасный выдающийся человеческий тип часто рождался из соединения двух различных, ярких, «устоявшихся» родов. Примерами подобных типов выступают Скобелев, Меншиков, Наполеон I. Смещение же, напротив, предполагает соединение невзрачного, серого, бесцветного. Таково состояние, аналогичное старческому бессилию. Соответственно, необычные характеры могут быть сохранены лишь при условии ослабления подвижности общества в целом, приостановки уравнивающей ассимиляции. Это, по мысли Леонтьева, — единственный путь, спасительный для России, как, впрочем, и человечества как такового. Такого рода вывод подтверждается и наукой (сложность в единстве как высшая форма развития) и эстетикой (гармония как синтез разнообразного). Причём подлинная гармония в социальной сфере достигается жестокими столкновениями и страданиями, предполагает их. «Эстетическое мерило самое верное, ибо оно единственно общее и ко всем обществам, ко всем религиям, ко всем эпохам приложимое» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 217].

В противоположность просветителям, он отказывается от осуждения незнания как такового. По Леонтьеву, как знание, так и незнание, в разной степени могут оказаться полезны для развития культурного организма. Философия и политическая практика должны, по его мысли, согласиться с важностью неравномерности в распределении познаний среди членов общества. Он резко выступает против «демократизации познаний», против системы всеобщего образования, которая, с его точки зрения, сильно содействовала бы дальнейшему сословному смешению.

Рассматривая Францию в качестве передового выразителя основных элементов западной культуры, он выделял в её истории этапы господства церкви, аристократии, королевской власти и бур-

жуазии. Третью республику он объявлял «гнилее» низвергнутой империи Наполеона III, предрекая ей незавидное будущее: либо смерть, либо «окаменение», превращение в безжизненный обрубок, лишённый настоящих творческих сил, влачащийся безрадостное существование. На примере Франции Леонтьев подчёркивал новую политическую тенденцию — стремление наёмного рабочего вытеснить буржуа с вершин власти. В связи с этим он характеризует социализм как будущее порабощение человека. Он говорил об усилении «коммунистического мятежа» в западном мире. Первые «социалистические бунты» произошли в 1840-х гг., затем последовало установление Второй империи во Франции, Крымская война, победы европейских держав над Китаем и Индией, приведшие к разрастанию уравнительных начал на Востоке. Царствование Александра II в итоге также способствовало общему движению в сторону социального смещения.

Размышляя о политическом будущем, Леонтьев подчёркивал, что главные социальные элементы постоянно присутствуют в истории, меняется лишь их соотношение, степень взаимного влияния. Так, рабство получает новую форму при буржуазии, как подчинение капиталу. Особую форму рабства следует ожидать, согласно Леонтьеву, и в случае торжества социализма, вместе с которым он предсказывает появление новых привилегий, специфических форм принуждения и ограничения свободы. Поэтому социализм станет феодализмом нового типа.

К числу главных «реальных сил» истории он относит религию, правителя и подчинённый ему государственный аппарат, науку, искусство, экономику (землевание, труд, капитал). В то время как концентрация в единстве вызывает продуктивное культурное творчество, эгалитарное смещение — бесплодие и гниение. Например, призывы к ликвидации земельной общины Леонтьев воспринимает как шаг для государства гибельный, ибо направлен к разрушению важного элемента российской культуры. Утрата общинного уклада для России, по его мнению, опаснее бунтовщиков, ибо те вызывают в качестве ответной меры охранительную реакцию. Спасение

России, настаивал он, в том, чтобы затормозить эгалитарное движение, противодействовать его усилению, остановить перерождение прежде незыблемых социальных структур в расплывающиеся, расплывающиеся вольные ассоциации. Поэтому, с его точки зрения, чрезвычайно важно и общину сохранить, и закрепить за дворянством значительную долю земельной собственности. Кроме того, весьма нежелательно принятие какой-либо конституции демократического толка, ибо подобная мера неизбежно приведёт к ослаблению власти и государства. Размышляя о будущем, Леонтьев высказывал идею создания «философско-эстетической цензуры», которая предотвратила бы публикацию посредственных, неоригинальных, серых и пошлых произведений. Такого сорта книги вообще, по его мысли, чрезмерно расплодившиеся, правильно было бы сжигать.

В принципе, не исключал совершенно он и возможность физической гибели человечества в качестве итога демократизации, в результате распространения опасных изобретений, или чрезмерного роста населения, либо попросту из-за неистребимой, угнетающей, беспросветной скуки. Элемент сомнения относительно будущего в его поздних размышлениях явственно присутствует.

Хотя социализм Леонтьев и характеризует как грядущее рабство, его заслугу он связывает с неизбежным социальным противодействием, благотельной реакцией, которую он вызовет своими преступлениями. Отсюда — вероятность отклонения отдельных обществ с линии либерального эгалитаризма в иную сторону. Вместе с тем, убеждение в незыблемости и долговечности западной цивилизации, согласно Леонтьеву, базируется только на некритическом преклонении перед всеми её идеями.

Ссылаясь на Данилевского, Леонтьев говорил об истории как процессе смены культурных типов и связывал заботу об оригинальности России с ближайшим решением восточного вопроса. Решение это он видит в занятии Россией проливов, в установлении контроля над Константинополем. Тогда произойдёт отход от рабского подчинения романо-германским

идеалам, закономерно завершится петербургский период в истории России. Что же до Франции, то, вслед за Данилевским, он определяет её как государство «мира отходящего», теряющее славу, склоняющееся к атеизму, впадающее в состояние анархии, которое, быть может, принесёт разрушение и забвение некогда великой столицы.

В «Записках отшельника» (1887–1891) Леонтьев развивает свои мысли об идеале, который выразил бы независимую и оригинальную культуру России. Он отмечает, что любой политический и культурный организм смертен, вопрос же о ближайшей, обозримой, не слишком отдалённой перспективе. XX столетие будет эпохой могущества и даже политического преобладания России, которое наверняка окажется не столь «эфемерным», как кратковременное доминирование Франции в Европе при Наполеоне III. Но внешнее могущество сопряжено с опасностями, соблазнами. Он видит диаметрально противоположные возможности, открывающиеся перед Россией: развитие самосознания, культурный подъём, либо роль малообразованной Македонии, навязывающей своё господство Западу при внутреннем подчинении его разлагающим началам. Этот второй путь либерального демократизма для России губителен, Леонтьеву — ненавистен. Он заявляет, что Россия больна либерализмом и нуждается в лечении от него. «Вылечим ли?» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 496]. Изрядная доля сомнения присутствует всюду в его поздних размышлениях.

В письмах «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1888) Леонтьев проводит идею о разрушительности тех тенденций XIX в., которые прямо ведут общество к эгалитаризму. В обоснование своего тезиса он стремился опереться на события недавней истории. Так, в частности, он ссылается на греческое восстание против османского владычества. Это национальное движение привело лишь к созданию государства, основанного на демократическом, всесловном смешении. Многие ожидали от греков какого-то особого возрождения, небывалого творческого взлёта. Все надежды такого рода не оправдались. Греческие лидеры, всецело

подражая Западу, смогли лишь принять либеральную конституцию и призвать монарха-иноверца. В итоге, получив независимость национальную, греки утратили духовную свободу, подчинились прежде чуждым им идеалам космополитического эгалитаризма.

Леонтьев интерпретирует восстания в Польше (1831) и Венгрии (1848) как аристократические, идущие вразрез с демократическим духом столетия и в этом видит причину их неудачи.

Размышляя об объединении Италии, автор писем о национальной политике утверждал, что замысел Наполеона III постигла неудача: тот рассчитывал в результате войны с Австрией надолго заполнить на своей южной границе верного, но слабого союзника. Двигаясь к своей цели, император французов поддерживал папское государство, а Венецию сохранил в руках Габсбургов. Но подобные действия консервативного толка не могли иметь успеха, ибо шли вразрез с пошлостью общеевропейского демократизма. В результате «Виктор-Эммануил и Кавур обманули хитрого Наполеона посредством весьма сложного приёма» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 504]. Сардинские политики отобрали у римского папы часть его земель, инспирировали восстания в Тоскане и иных малых государствах с целью их присоединения к Пьемонту, поддержали Гарибальди в борьбе с консервативными неаполитанскими Бурбонами, в итоге лишившимися своей власти. Через шесть лет они выступили совместно с Пруссией против Австрии и, хотя их войска были разгромлены, но, благодаря победам своего союзника, получили венецианскую область. Таким образом, вопреки расчётам Наполеона III, Сардинское королевство объединило всю Италию. Но, как и в более раннем случае с Грецией, племенное объединение итальянцев привело к стиранию местных различий, утрате неповторимости многими культурными элементами, к вытеснению оригинальности однообразием. Италия сделалась похожей на соседние страны. Аналогичную тенденцию видит Леонтьев и в объединении Германии. Упоминает он и ещё один, по его мнению, консервативный замысел Наполе-

она III, касавшийся установления в Мексике монархии, который также провалился. Французы были изгнаны из Нового света.

Таким образом, целый ряд современных ему тенденций, по мысли Леонтьева, сходится в одном: упрощении, усреднении обычаев, сословий, систем правления. Западные страны за тридцатилетие сильно сблизились на почве утраты оригинальности и демократизации. Между ними всё больше сходства, которое предвещает, согласно Леонтьеву, создание единого европейского космополитического государства (возможно, в форме федерации), стремящегося к превращению в мировое.

Особого внимания заслуживают его рассуждения о соотношении намерений правителей с получаемыми политическими результатами. Он утверждает, что в XIX столетии, даже когда правители и участники того или иного политического движения стремились к культурному своеобразию, некоторому национальному обособлению, всё равно их действия оказывались на пользу космополитически-эгалитарному процессу. Полагая, что служат одному идеалу, они по факту нередко способствовали торжеству другого. В этой связи он говорит о свойственном веку распространённом самообмане. При этом Леонтьев дистанцируется от попыток описать, раскрыть «душевные процессы», свойственные политическим вождям своего времени и руководимым ими массам. Он говорит о том, что социальная психология как особая наука ещё не создана и заявляет о намерении сосредоточиться исключительно на фактах политической истории. И резюмирует свои наблюдения следующим образом: «это зарево всемирного демократического и безбожного пожара, которого неосторожными поджигателями являются не всегда только либералы и анархисты, а по роковому стечению обстоятельств нередко и могущественные Монархи, подобные Наполеону III и Вильгельму I Германскому!» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 541].

Поскольку самые разнонаправленные процессы (например, всевозможные восстания и реформы) повсеместно приводят к единому итогу, усилению упрощающего смешения, то Леонтьев считает возмож-

ным сослаться на некую высшую «телеологию» истории. Логика подобного рода телеологии исключает вероятность того, что после падения Второй империи и очередного провозглашения республики «слишком уравненная почва нынешней Франции даст достаточный ход какой-нибудь сильной натуре, какому-нибудь новому Наполеону» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 515].

Леонтьев подчёркивает тот факт, что именно Наполеону III принадлежит инициатива официального провозглашения лозунга национальностей в европейской политике. При этом все консервативные «охранительные» попытки противостоять «племенному движению» в последние годы терпели неудачи. В этом ряду оказывается политика Австрии, равно как и папского государства. Консервативная и самодержавная Россия проигрывает Крымскую войну. В борьбе с «охранительной» Россией Наполеон III обнаруживает и мудрость, и могущество, но в попытке провести консервативный проект в отношении Италии он терпит крах. Таким образом, он сам не волен выйти из круга навязанных ему высшей телеологией предначертаний.

В Европе уже нет, по мысли автора писем, господствующего культурного влияния отдельных стран. Когда-то таковым обладала Франция, но те времена прошли. Невозможно вернуться в эпохи Людовика XIV и Наполеона I. Германия, вероятно, ещё рассчитывает на преобладание в западном мире, но ей недостает оригинальности, она выглядит мелко в сравнении с прежней Францией: «Далеко кулику до Петрова дня» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 525]. В самой истории Франции Леонтьев видит последовательное движение в сторону эгалитаризма. Когда-то она была примером для всех, передовой державой Европы. Её демократизация происходила постепенно, прошла через серию потрясений. Сперва возникла кратковременная якобинская республика, уступившая место наполеоновской империи. Затем пришло время режима реставрации, который сменяется эфемерной второй республикой. Наконец, с падением империи Наполеона III утвердился буржуазная республика «с бессильным президентом». При всех, казалось бы, колебаниях

политического маятника, несомненен итог: понижение культурно-государственного величия, нарастание влияния лиц средних способностей и мелких запросов. При этом республиканизм в своей полноте не мог восторжествовать сразу, уже в XVIII в., поскольку Франция сохраняла изрядную долю идеализма, не была готова к прозаическому упрощению, обезличению. Наполеон III, по мнению Леонтьева, сам готовил своё поражение проводимой им политикой. Конечно, император французов казался «почти самодержавным», но ведь его власть не была наследственной, не могла считаться полученной благодаря божественному праву, она базировалась на демократической процедуре, голосовании. Потому не случайны и эгалитаристские последствия его политики для Франции и Европы в целом. Он берёт верх в столкновении с консервативной Россией, провозглашая политику национальностей, вступает в удачную для него схватку с Австрией. Но своей победой он подталкивает Италию к союзу с Пруссией, способствует усилению этих двух стран. Следствием такого рода усиления явился разгром Франции Пруссией. В результате в самой Франции устанавливается в новой отвратительной форме «якобинская республика», в Германии создаётся однородная по внутренним стремлениям империя, а римский папа теряет всякое политическое значение.

Леонтьев высказывал убеждение, что утвердившаяся во Франции во второй половине XIX в. «мещанская» республика не будет сметена новой реставрацией. Главным образом потому, что охранительные силы (католики, аристократы) уже не столь сильны, как прежде. Маршал Мак-Магон, которому помогали стать президентом страны в надежде на то, что он сыграет роль второго Монка, не имел возможности с нею справиться. Закономерно, что на высшем посту его сменяет «безличный буржуа». Изменение социальных условий сделало невозможным аристократический переворот. Вдобавок у всех трёх династий, правивших Францией в течение последнего столетия, нет выдающихся представителей. Наполеон IV погиб в Африке, желая прославиться в боях, Генрих V

умер бездетным. Кажется, всё оборачивается против монархической идеи. Правда, Леонтьев допускает возможность кратковременного торжества во Франции какой-нибудь диктатуры. Он полагал, что диктатор или даже император мог бы получить власть только благодаря приверженности разрушительной социалистической идее. Именно эта гибельная идея могла бы увлечь страну своей новизной.

Он предрекает военное столкновение Франции с Германией и её неудачи. Правда, если Франция выступит в союзе с Россией, то, благодаря последней, сможет извлечь из столкновения свою выгоду, оказаться в стане победителей. Всё же Леонтьев надеялся, что в ближайшие годы войны между Россией и Германией не случится. Неизбежной он считал войну России с Австрией из-за славянских народов, болгар или сербов. Не исключал он в некой перспективе и «всеобщую войну» коалиций: австро-германской против франко-русской. Если она случится, победа, по Леонтьеву, останется на стороне России. Причём он предостерегал против обаяния политического панславизма, призывал всячески дистанцироваться от него, как от подражания западному эгалитарному идеалу. Россия обязана беречь своё культурное, духовное и бытовое своеобразие.

Примечательный факт: автор «Национальной политики» с немалой долей разочарования констатирует, ссылаясь на личный опыт, что вынужден признать свою деятельность преждевременной, не способной существенно изменить сложившуюся социальную и культурную ситуацию. Но всё-таки он далёк от беспросветного пессимизма: «Нет, пока есть ещё одна надежда — надежда именно на Россию!» [Леонтьев, 2007: VIII (1), 542].

В произведении «Плоды национальных движений на Православном Востоке» (1889) он, возвращаясь к теме телеологии истории, относит Наполеона III, как и Бисмарка, к «игрушкам» и слугам «всемирной революции».

В работе «Культурный идеал и племенная политика» (1890) Леонтьев проводит резкое разграничение между политикой национальностей и национальными иде-

алами. Если первая служит целям космополитизма и демократизации, то национально-культурные идеалы способствуют сохранению своеобразия цивилизаций. В очередной раз он призывает к «охранению» национального идеала России, усматривая его в православном самодержавии. На его взгляд, для национальной жизни важнее культурные отличия (религия, государственные учреждения, внешние бытовые черты), чем физиологическое родство и язык. Национальной может быть, согласно Леонтьеву, только «культурно-обособляющая» политика. В этом смысле он с горечью заявляет, что политика Николая I, хотя и была патриотической (в смысле отстаивания независимой линии в межгосударственных отношениях), но отнюдь не была национальной. Русский царь стремился сделать свою страну самой сильной европейской державой, совсем не думал о культурном обособлении от Запада, не верил в своеобразие России, притеснял славянофилов. В результате выяснилось, что космополитизму и демократизации служила не только эгалитарная политика национальностей, но и деятельность влиятельных консерваторов. «Оказалось, напр<имер>, что главным инициатором тех племенных эмансипаций, которые вредили национальным физиогномиям, был не Наполеон III, а охранитель из охранителей, наш незабвенный и великий Государь Николай I-й» [Леонтьев, 2009: VIII (2), 55]. Крымская война, по Леонтьеву, также повлияла на демократизацию России. Этому процессу он предлагает противопоставить усиление религиозности, укрепление сословных различий (в «старом» дворянстве он видит вековую силу русской истории) и консервацию их экономического положения, улучшение материальной жизни рабочих. Тогда России окажется под силу выдержать натиск будущей западной федеративной республики, с её началами атеизма и эгалитаризма.

Леонтьев не меняет своей оценки роли личности Наполеона III в европейской истории вплоть до последних месяцев жизни. Об этом свидетельствует его письмо к И. Фуделю (1891), в котором он жалуется на публикацию в «Московских ведомостях», буквально

но повторяющую, как ему представляется, его идеи об императоре, но не содержащую никаких ссылок на «Византизм и славянство» [Леонтьев, 2021: XII (3), 53].

Как видно из текстов Леонтьева, сочинения императора французов его интересовали мало, в фокусе его внимания — направленность и последствия политики Наполеона III. В этой связи необходимо отметить, что главные мировоззренческие установки Наполеона III сформировались ещё до его прихода к власти, в период юношеской эмиграции. Большое значения для становления его мировосприятия имел и тот отрезок жизни, который сопровождался приговором и заключением после неудачной попытки вооружённого захвата власти. В заключении будущей глава государства имел возможность изучать социалистические идеи своего времени, работать над собственными сочинениями.

В произведениях Наполеона III можно выделить историософскую схему, пусть лишь намеченную, не слишком обстоятельно развитую. Она резко контрастирует с учением Леонтьева. Наполеон III — сторонник теории прогресса, причём вносящий в неё поправки в духе бонапартизма. Прогресс для него немыслим без опоры на идеи его выдающегося предшественника, Наполеона I. Он уподобляет роль Наполеона I в истории вкладу в неё Юлия Цезаря и Карла Великого. «Режим, установленный в 1800, руководимый высшим гением, заложил всюду прогрессивные учреждения на принципах порядка и власти» [Napoléon III, 1856: I, 4]. Идея прогресса подтверждается, согласно Наполеону III, всем ходом человеческой истории. В ней нет никакого колебания, никаких циклов между варварством и цивилизованностью, она имеет определённую направленность. Правда, в истории противостоят друг другу прогрессивные и дезорганизующие начала. Движение вперед — не ровная, лишённая ловушек и ухабов дорога, на которой люди ожидают праздники и отдых.

Провозглашая «принцип национальностей», Наполеон III возводил его к своему прославленному предшественнику. Важнейшую роль в преодолении разрушительных сил истории Наполеон III отводил

великим полководцам, главам государств, правительствам. Отвергая концепцию божественного происхождения монархии, он считал её столь же древней формой политического устройства, как и республику. Для Франции своего времени Наполеон III оптимальной формой правления объявлял империю, выстроенную по образцу существовавшей до 1815 г. Поэтому его теория прогресса фактически заключает к себе довольно сильную интенцию консерватизма. Наполеон I для него — подлинный и глубокий выразитель духа XIX столетия. В связи с этим успех в политике, счастье и благополучие народов должны быть связаны именно с его идеями и продолжением его начинаний. «Когда в начале девятнадцатого века явилась выдающаяся личность, Наполеон, общество целиком приобрело новый вид. Народные потоки успокоились, развалины исчезли, и с удивлением увидели порядок и процветание, исходящие из того же горнила, которое их на краткое время поглотило» [Napoléon III, 1856: I, 4]. С точки зрения Наполеона III, создатель Первой империи не стремился к порабощению соседей, его деяния неверно истолковали, их смысл извратили. Его подлинной целью была свобода народов и защита Франции от внешних врагов. Он собирался объединить освобожденные народы в рамках европейской конфедерации, которая смогла бы гарантировать защиту общих интересов. Его неудача была обусловлена стремлением достичь поставленной цели за слишком краткое время, за считанные годы. Но сама по себе данная цель отнюдь не списана в архив истории. Она предполагает как самостоятельность народов, так и мирные отношения между ними в будущем. Все государства должны получить свои естественные границы и гармонично пребывать в них.

Призывая облегчить положение в обществе наиболее страдающего класса, Наполеон III предлагал в качестве важнейшего средства к этому создание сельскохозяйственных колоний. Именно туда следует направить избыток городских рабочих рук, тех людей, которые не могут найти себе пропитание, прозябают в нищете и пороке. Такого рода экономическое

решение позволит также улучшить нравственную атмосферу в стране. Поначалу организация колоний будет строиться на армейской дисциплине, но по мере роста благосостояния её членов они смогут переселяться из общих бараков в частные дома. «Рабочий класс не располагает ничем, его надо сделать собственником. Его богатство только в его руках, нужно дать этим рукам применение, полезное для всех. Он — как народ илотов посреди народа сибаритов. Нужно предоставить ему место в обществе и соединить его интересы с землей. Наконец, он лишён организации и связей, прав и будущего, нужно ему предоставить права и будущее, и возвысить его в собственных глазах через ассоциацию, воспитание, дисциплину» [Napoléon III, 1856: II, 117]. Таким образом, Наполеон III предусматривал продвижение социума по пути прогресса без резких насильственных революционных мер, при безусловном сохранении принципа частной собственности. Его ориентация на порядки времен Первой империи предполагала преданность специфически понимаемой демократической идее — воплощаемой в праве народа избирать главу государства. Отстаивал он и необходимость социальной иерархии, в духе бонапартизма трактуемой в качестве зависимой от заслуг перед империей.

* * *

Представления двух выдающихся современников XIX в. о смысле и направленности истории по-разному оценивались как критиками их собственной эпохи, так и исследователями последующих времен. Их мнения, конечно же, несли на себе отпечаток личных убеждений, но вместе с тем специфически отражали и ведущие установки изучаемых историософских построений, и отношение к ним в сознании представителей различных культурных слоев общества.

Так, согласно В.С. Соловьеву, Леонтьев — «оригинальный и талантливый проповедник крайне консервативных взглядов» [Соловьев, 1990: 414]. Основной нерв учения Леонтьева он связывал с неприятием эгалитарного буржуазного прогресса. Существенным недостатком мировоспри-

ятия Леонтьева он считал отсутствие согласованности между главными линиями его рассуждений. Так, по Соловьеву, истолкованное в духе монашества спасение отнюдь не предполагает политику, направленную на укрепление неовизантийской культуры. Напротив, оно требует безразличия к мирским делам. Равным образом, консервативная политика не имеет связи с эстетикой и спасением души. С другой стороны, увлечённость эстетикой скорее должна вести к преклонению перед рыцарством и язычеством, чем византийскими чиновниками и монахами [Соловьев, 1990: 417–418].

В.В. Розанов в статье «Эстетическое понимание истории» (1892) высказал идею о том, что именно Леонтьев первым понял смысл движения своего века. Ему удалось освободиться от давящих стереотипов, он «преодолеl впервые понятие прогресса, которым мы все более или менее движемся, и указал иное, чем какое до сих пор считалось истинным, мерило добра и зла в истории». Мерило это — эстетического свойства. «И в самом деле, в этом состоит общий и главный смысл всех его писаний: красота есть мерило жизни, её напряжения; но только в значении — разнообразия, выразительности, сложности». Розанов полагал, что ошибка Леонтьева в неверном представлении будущего. Предположения Леонтьева не были надёжно обоснованы, ибо переносили на будущее значительную часть черт, свойственных, по его собственной классификации, второму этапу цивилизационного развития. Но в истории не бывает простого повторения. Нельзя воскресить уже ушедшее. Кроме того, по мнению Розанова, Леонтьев совершенно неверно понимал русский характер как «бесформенный», нуждающийся в ограничении византизмом. «Но его голос звучал, по крайней мере до сих пор, напрасно. Ничто не доставало этому голосу: ни красоты, ни силы, ни наконец понятности. Одного доставало ему: исторической своевременности» [Розанов, 1995: 37, 121, 122].

Н.А. Бердяев в статье «К. Леонтьев — философ реакционной романтики» (1904) рисует образ мыслителя, развивавшего специфическую органическую теорию

общества, выступившего, по сути, продолжателем идей Н.Я. Данилевского. «Эстет, имморалист, революционер по темпераменту, гордый аристократ духа, пленённый красотой могучей жизни, предвосхитивший во многом Ницше, романтически влюблённый в силу былых исторических эпох, тяготеющий к ещё неведомой, таинственной мистике, и — проповедник монашеского, строго традиционного христианства, защитник деспотизма полицейского государства. Тут какая-то ирония судьбы!» [Бердяев, 1907: 313]. Согласно Бердяеву, натуралистическое, органическое понимание общества давно продемонстрировало свою теоретическую непригодность, ибо опирается на ложную аналогию. В учении Леонтьева он также видит искажение христианства, возвеличение насилия, страха, подчинения. В этом учении, по его мнению, утрачивается главное — идея Богочеловечества, подменяемая ненавистью и повиновением.

В монографии «Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной мысли» (1926) Бердяев говорил об огромном таланте философа, который остался невостребованным в свою эпоху, несмотря на явное желание откликаться на политические коллизии своего времени. Уподобляя Леонтьева Чаадаеву, Бердяев именует его «одиноким чужестранцем». Признание к нему не пришло, поскольку, согласно Бердяеву, он оказался первым приверженцем эстетизма, тогда ещё глубоко чуждого стране. «К. Леонтьев был аристократ по природе, по складу характера, по чувству жизни и по убеждению. И это не русская в нём черта. Русские — демократичны, они не любят аристократизма» [Бердяев, 1991: 150]. Бердяев усматривает в творчестве Леонтьева эстетику власти, её культ, но не подлинное её знание. Он выделяет два главных момента, определивших умонастроение Леонтьева, — его эстетизм и «религиозный ужас гибели».

С.Н. Булгаков в статье «Победитель — Побежденный» (1916) воссоздает образ глубоко страдающей души. Леонтьев, согласно Булгакову, предвидел европейскую катастрофу, понимал разрушительную силу мещанства, в его творчестве нашёл

свое выражение кризис современной культуры. При этом в его эстетизме Булгаков видит проявление «безбожного гуманизма», берущего начало в установках Возрождения. Леонтьевский гуманистический идеал красоты оторван от религии, внутренне не связан с нею. В этом идеале сокрыто «тончайшее человекобожие». Теорию исторического развития Леонтьева Булгаков характеризует как упрощённый биологизм, иронично добавляя, что реакция вряд ли может быть красивой и эстетичной. К вере Леонтьев шёл не сердцем или созерцанием, а самопринуждением: «не легко и не сразу далась ему эта, родившаяся из ужаса, вера» [Булгаков, 1993: 555]. Оказавшись лишним, чуждым культуре своего века, противником её, он мог бы считаться побеждённым, но в своём несогласии идти на недостойный компромисс он остался победителем.

Т.Г. Масарик относил Леонтьева к представителям «лагеря консервативного и реакционного» [Масарик, 2003: 126]. Согласно Н.О. Лосскому, Леонтьеву «было суждено стать выразителем идей вырождающегося славянофильства» [Лосский, 1991: 82]. Б.В. Яковенко утверждал, что учение Леонтьева «можно охарактеризовать как аморальную натуралистическо-эстетическую теорию деспотизма» [Яковенко, 2003: 309]. Напротив, В.В. Зеньковский полагал, что построениям Леонтьева была присуща особая, «суровая мораль», сопряжённая с религиозными ценностями, потому его напрасно обличали в аморализме. По Зеньковскому, в концепции Леонтьева эстетический идеал определялся возвышенной религиозной антропологией. Но «Неполнота христианского сознания не дала ему возможности из религиозных принципов развить положительную программу исторического делания» [Зеньковский, 1991: 265]. Значение Леонтьева он видит в талантливом освещении тупиков современной истории.

Г.В. Флоровский высказывал довольно категоричную оценку: Леонтьев был далёк от предания православной церкви и только «драпировался» аскетизмом. «У Леонтьева была религиозная тема жизни, но вовсе не было религиозного мировоз-

зрения» [Флоровский, 1991: 302]. По Флоровскому, Леонтьев в своём отношении к Господу акцент делал на страхе, не на любви. В своем эстетизме Леонтьев близок западной культуре, напоминает Леона Блуа. Учение Леонтьева Флоровский характеризует как «языческий натурализм». Леонтьева привлекала «нечистая», языческая красота, он был чужд идее преображения бытия. Поэтому ради многообразия и пестроты в мире он готов пожертвовать моралью. Отсюда отсутствие в его построениях религиозного смысла истории. «Леонтьев был разочарованным романтиком больше, чем верующим» [Флоровский, 1991: 305]. По мнению Флоровского, Леонтьев обращался к христианству не за истиной и новой жизнью, а только за личным спасением.

Современные исследователи зачастую делают акцент именно на предвидениях русского философа. А.А. Корольков по праву относит к поразительным достижениям Леонтьева «разбросанные в разножанровых произведениях предвосхищения того хода истории, который мы уже пережили или переживаем» [Корольков, 1991: 4]. Исследователь подчёркивает, что в сочинениях Леонтьева читатель соприкасается с личностью, предвосхитившей Ницше, Шпенглера и экзистенциалистов. А.А. Корольков справедливо говорит о необходимости нового прочтения философа, консерватизм которого не следует трактовать в сугубо отрицательном ключе. Этот консерватизм правильнее истолковывать как традиционализм, «столь необходимый в нынешнем спасении человечества» [Корольков, 1991: 115].

К.М. Долгов, ставивший своей целью раскрыть личность философа в контексте его творчества, следуя методу «имманентного философско-эстетического анализа», констатирует: «Поражает его глубоко противоречивая и вместе с тем последовательная натура. Да, он был странником: врач, дипломат, писатель, цензор — ничто его надолго не удерживало и, кажется, до конца не удовлетворяло». Леонтьева К.М. Долгов изображает как выдающегося мыслителя, ориентированного в своём творчестве на веру и самопожертвование:

«Один из самых великих и свободных умов России, Европы и мира, он в любой момент был готов беспрекословно подчинить свой ум религиозной вере, находя в этом насилии над собственным разумом высшую для себя пользу и радость жизни во Христе» [Долгов, 2007: 504, 505]. В.И. Косик следующим образом формулирует своё заключение: «Леонтьев не был провидцем, он был пророком» [Косик, 1997: 207]. Как замечает Л.Р. Авдеева, «Леонтьев по сей день остается неким мифическим персонажем российской истории — то пленником устрашающих навязчивых идей, то мыслителем, которому открылись неведомые другим истины» [Авдеева, 2012: 11]. Таким образом, в новейших работах сожаления по поводу оставшейся непонятой мудрости выдающегося мыслителя в значительной степени уступают место призывам глубоко разобраться в его построениях, опереться на них в современных духовных исканиях.

Философы-современники Наполеона III по большей части критически отзывались о его политике и личности. Своё классическое выражение эта точка зрения получила в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852): «2 декабря февральская революция исчезает в руках ловкого шулера» [Маркс, 1985: 425]. Маркс рассматривает Луи Бонапарта как авантюриста, интерпретируя его политику сквозь призму теории классовой борьбы.

Исследователи последних ста лет в общем настроены более благожелательно к деяниям императора французов. Луи Жирар отмечает, что хотя Наполеон III и не был исключительным гением и великим полководцем, но все-таки сыграл важную роль в политике своего времени, вернул Францию в число континентальных держав первого ранга [Girard, 2013: 516]. Жорж Бордонов уподобляет Наполеона III Прометею, стремившемуся к «благу народов», необычайным образом совмещавшему в себе прагматический настрой и недостаток реализма. «Его экстраординарная судьба была судьбой романтического героя» [Bordonove, 1998: 416]. Сюзанна Детерн и Генриетта Шанде видели в Наполеоне III выдающегося государственного деятеля, наметившего целый ряд решений социальных и поли-

тических проблем, сохранивших актуальность для последующего века [Desternes, Chandet, 1961: 10]. Фредерик Блюш усматривал особенность позиции Наполеона III в определённом усилении «демократического характера цезаризма», имеющего истоки в «Мемориале» узника Святой Елены [Bluche, 1981: 68]. Филипп Сеген характеризует политическую деятельность Наполеона III как «впечатляющую и мало понятую», недооцененную, несправедливо осужденную. Наполеон III желал «искренне, честно, смело служить Франции» и он выполнил свою задачу на таком моральном уровне, который достоин уважения и восхищения [Séguin, 1990: 13, 19].

* * *

Подводя итоги, заметим, что социально-философские интенции Леонтьева и Наполеона III существенно расходились, во многом отражая противоречивость политических процессов эпохи. Но можно увидеть в их взглядах и некоторое сходство, касавшееся необходимости внесения консервативных элементов в общественную жизнь. Правда, характер и степень предполагаемого консерватизма значительно разнились, поскольку предполагали совершенно различное понимание смысла современной истории. Леонтьев — консерватор в гораздо большей степени, чем император французов.

Русский мыслитель придерживался оригинальной теории развития, эстетизма с примесью биологизма, которые далеки от социально-философских мнений Наполеона III. Отсюда их расхождение по вопросу о природе прогресса. Для императора французов прогресс — данность и своего рода идеал, определяющий перечень неотложных государственных задач. Для Леонтьева прогресс противоположен творческому движению, обозначает гниение, упадок. Леонтьевская телеология истории Наполеону III принципиально чужда.

Предложенная Леонтьевым схема развития государственной жизни (аристократия, единоличная власть, демократия) никогда не разделялась Луи Бонапартом. Учение о естественном сроке жизни государственных организмов также остава-

лось вне сферы его политических размышлений. Там, где русский мыслитель видел разложение и вторичное упрощение, французский политический лидер усматривал движение вперед.

Идея национальностей в сознании Леонтьева выступала как ложная, космополитическая, враждебная государству, религии и принципу культурной индивидуальности народов. В сознании Наполеона III всё обстояло прямо противоположным образом, он видел в ней как консервативный элемент политики, восходящий к Наполеону I, так и прогрессивный, благотворный для будущего человечества. При этом существенно подчеркнуть, что оба усматривают в политике национальностей ключевой пункт современного им этапа истории. Но содержание этого этапа, его подлинный смысл интерпретируются ими, конечно, по-разному.

Оба размышляли о возможной европейской федерации — но в разных тональностях. Если для Наполеона III движение в её сторону означало нечто позитивное, то Леонтьевым воспринималось как символ упадка, ослабления оригинальной европейской культуры.

Вероятно, неоднократное обращение со стороны Леонтьева к образу императора французов находит своё объяснение в определённых симпатиях к нему, изредка даже прямо выражаемых. Но симпатии эти, как пояснял русский философ, касались не самой его личности, а довлевшей над Наполеоном III судьбы. Леонтьеву импонировали те действия императора французов, которые он истолковывал в консервативном ключе: поддержка папства, попытки ограничить, оставить слабой Италию, установить монархию в Мексике. Как полагал русский мыслитель, все эти действия, в силу телеологии истории, хотя и выглядели достойно, но были обречены на провал. Вызывают одобрение у Леонтьева разногласия Наполеона III с либералами. Император не погубил Францию, он не был в состоянии остановить её давно начавшееся скольжение вниз. Новый Наполеон как сильный политик, полагал Леонтьев, в Европе отныне невозможен, а диктатора ещё можно было бы ожидать

как проводника разрушительных социалистических учений. Изначальной ущербностью бонапартизма Леонтьев считал опору на процедуру голосования, демократическую по своей природе. Монархия же в его понимании должна быть наследственной, что отрицалось Наполеоном III.

Консерватизм Леонтьева и Наполеона III в первую очередь связан с желанием содействовать сохранению политических порядков прошлого (самодержавие, империя).

И Леонтьев, и Наполеон III рассматривали религию как существенную опору общественной жизни, но понимали её социальную роль по-разному. На мировосприятие Наполеона III оказали влияние социалистические идеи, хотя он никогда не подвергал сомнению принцип частной собственности и в этом отношении не был социалистом. Для Леонтьева же социализм вызывает отторжение как проявление эгалитаризма.

Леонтьев считал весьма нежелательным для России повторение пути Фран-

ции, как и всей европейской цивилизации. Наполеон III, напротив, видел в этом пути основную дорогу мировой истории. Для Леонтьева исключительно важна идея связи российской государственности и быта с Византией, Наполеон III о таких материях не задумывался вовсе, для него подобные сюжеты — не магистральный мотив эпохи. Оба говорили о необходимости улучшения материального положения рабочих, но с разной целью. Императору французов казалось важным достичь упомянутого результата и ради торжества наполеоновской идеи, и по соображениям укрепления собственного режима. Леонтьеву же важен этот экономический мотив лишь с точки зрения обеспечения возможности России выдержать натиск объединившейся Европы. В своих прогнозах, касавшихся вероятных военных столкновений в будущем, Леонтьев, по-видимому, проявил гораздо больше прозорливости, чем император, политику которого он подвергал критическому анализу.

Список литературы:

- Авдеева Л.Р. К.Н. Леонтьев. Пророк или «одиноким мыслитель»? — Москва: Российское гуманитарное о-во, 2012. — 157 с.
- Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906). — Санкт-Петербург: Изд. М.В. Пирожкова, 1907. — 437 с.
- Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной мысли // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. у-та. 1991. ч.1. с. 149 – 286.
- Булгаков С.Н. Победитель – Победенный (Судьба К.Н. Леонтьева) // Сочинения в двух томах. Т. 2: Избранные статьи. — Москва: Наука, 1993. — С. 546–563.
- Долгов К.М. Восхождение на Афон: жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. — Москва: Отчий дом, 2007. — 720 с.
- Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч.2. — Ленинград: Прометей, 1991. — 280 с.
- Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991. — 199 с.
- Косик В.И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. — Москва: Зерцало, 1997. — 235 с.
- Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Владимир Даль. 2000 – 2021.
- Лосский Н.О. История русской философии. — Москва: Сов. Писатель, 1991. — 480 с.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3 т. Т. 1. — Москва: Политиздат, 1985. — С. 418–516.

- Масарик Т.Г. Россия и Европа: эссе о духовных течениях в России. Т. 3. — Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 2003. — 574 с.
- Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Константин Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. — Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1995. — С. 27–122.
- Соловьев В.С. Леонтьев // Филос. наследие: ФН..., Т. 111. В.С. Соловьев. Т. 2. — Москва: Мысль, 1990. — С. 414–419.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — Вильнюс: Вильтис, 1991. — 599 с.
- Яковенко Б.В. История русской философии. — Москва: Республика, 2003. — 510 с.
- Bluche F. Le bonapartisme. — Paris: PUF, 1981. — 127 p.
- Bordonove G. Napoléon III. — Paris: Pygmalion, 1998. — 457 p.
- Desternes S., Chandet H. Napoléon III. Homme du XX siècle. — Paris: Hachette, 1961. — 365 p.
- Girard L. Napoléon III. — Paris: Fayard, 2013. — 550 p.
- Napoléon III. Œuvres. Vol. I – IV. — Paris: Plon, 1856.
- Séguin P. Louis Napoléon le Grand. — Paris: Grasset, 1990. — 447 p.

References:

- Avdeeva, L. R. (2012) *K.N. Leont'yev. Prorok ili «odinokiy myslitel'»?* [K.N. Leontyev. Prophet or "lone thinker"?]. Moscow: Rossiyskoye gumanisticheskoye o-vo Publ. (In Russian).
- Berdyaev, N. (1907) *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskiye, sotsial'nyye i literaturnyye (1900–1906)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments (1900–1906)]. Saint Petersburg: Izd. M.V. Pirozhkova Publ. (In Russian).
- Berdyaev, N. (1991) Konstantin Leont'ev: ocherk iz istorii russkoj religioznoj mysli [Konstantin Leontiev: an essay from the history of Russian religious thought] in N.A. Berdjaev o russkoj filosofii. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. Pub. pt.1. p. 149 – 286. (In Russian).
- Bluche, F. (1981) *Le bonapartisme*. Paris: PUF.
- Bordonove, G. (1998) *Napoléon III*. Paris: Pygmalion.
- Bulgakov, S. N. (1993) 'Pobeditel' – Pobezhdenyy (Sud'ba K.N. Leont'yeva) [Winner – Defeated (The Fate of K.N. Leontyev)]', in *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 2: Izbrannyye stat'i* [Works in two volumes. Vol. 2: Selected articles]. Moscow: Nauka Publ., pp. 546–563. (In Russian).
- Desternes, S. and Chandet, H. (1961) *Napoléon III. Homme du XX siècle*. Paris: Hachette.
- Dolgov, K. M. (2007) *Voskhozhdeniye na Afon: zhizn' i mirosozertsaniye Konstantina Leont'yeva* [Climbing Mount Athos: the life and worldview of Konstantin Leontyev]. Moscow: Otchiy dom Publ. (In Russian).
- Florovsky, G. (1991) *Puti russkogo bogosloviia* [The Ways of Russian Theology]. Vilnius: Viltis Publ. (In Russian).
- Girard, L. (2013) *Napoléon III*. Paris: Fayard.
- Korolkov, A. A. (1991) *Prorochestva Konstantina Leont'yeva* [Prophecies of Konstantin Leontyev]. Saint Petersburg: Izdat. S.-Peterburgskogo Univ. Publ. (In Russian).
- Kosik, V. I. (1997) *Konstantin Leont'yev: razmyshleniya na slavyanskuyu temu* [Konstantin Leontyev: reflections on the Slavic theme]. Moscow: Zertsalo Publ. (In Russian).
- Leont'ev, K. (2000 – 2021) Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 t. [Complete works and letters in 12 volumes] St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (In Russian).
- Lossky, N. O. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Sov. pisatel' Publ. (In Russian).
- Marx, K. (1869) *Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*. Hamburg: Meißner. . (Russ. ed.: (1985) 'Vosemnadsatoye brumera Lui Bonaparta', in Marx, K., Engels, F. *Izbr. proizv. v 3 t. T. 1*. Moscow: Politizdat Publ., pp. 418–516).

- Masaryk, T. G. (1996) *Rusko a Evropa*. Praha: Ústav T. G. Masaryka. . (Russ. ed.: (2003) *Rossiya i Yevropa: sut' o dukhovnykh techeniyakh v Rossii*. T. 3. Saint Petersburg: Izd-vo RKHGI Publ.).
- Napoléon III (1856) *Œuvres*. Vol I–IV. Paris: Plon.
- Rozanov, V. V (1995) 'Esteticheskoye ponimaniye istorii [Aesthetic understanding of history]', in *Konstantin Leontiev: pro et contra. Book 1*. Saint Petersburg: Izd-vo RKHGI Publ., pp. 27–122. (In Russian).
- Séguin, P. (1990) *Louis Napoléon le Grand*. Paris: Grasset.
- Solovyov, V. S. (1990) 'Leontiev', in *Filos. naslediy: FN..., T. 111. V.S. Solov'yev. T. 2*. [Philosophy heritage: Ph.Her..., Vol. 111. V.S. Solovyov. Vol. 2.]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 414–419. (In Russian).
- Yakovenko, B. V. (2003) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Respublika Publ. (In Russian).
- Zenkovsky, V. V. (1991) *Istoriya russkoj filosofii. T.1*. Ch. 2 [History of Russian philosophy. Vol. 1. Pt. 2.]. Leningrad: Prometej Publ., 280 p. (In Russian).

Информация об авторе

Артем Александрович Кротов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д.1. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Artem A. Krotov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History and Theory of World Culture, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 24.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 24.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.